

Научная статья

УДК 397+398

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-143-155

Дерево в традиционной похоронной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века)

Венарий Алексеевич Бурнаков

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
venariy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>

Аннотация

Впервые представлена характеристика дерева и его образа в мировоззренческом комплексе и ритуальной практике хакасов, связанной с похоронами человека. Вводятся в научный оборот архивные этнографические материалы. Целью является определение места и функции дерева и производных от него предметов в похоронной обрядности хакасов. Автор приходит к выводу о том, что в традиционном мировоззрении и обрядности хакасов дерево и его образ занимали важное место и наделялись обширной символикой, главным образом связанной с идеей перехода человека в потусторонний мир.

Ключевые слова

хакасы, традиционная культура, верования, дерево, образ, символ, похоронная обрядность, апотропей

Благодарности

Исследование проведено по проекту № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм»

Для цитирования

Бурнаков В. А. Дерево в традиционной похоронной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 143–155. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-143-155

Tree in the Khakass Traditional Funeral Rites (Late 19th – Mid 20th Century)

Venariy A. Burnakov

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
venariy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>

Abstract

Purpose. The sacralization of the tree and its involvement in ritual practice is one of the significant and widespread phenomena represented in the traditional culture of many peoples, including the Khakass. The life cycle of a person among this people ends with a funeral rite. The Khakass traditional funeral rite reflects the archaic ideas of people about the other world. Burial rituals were basically aimed at changing the semiotic status of a person and marked his transition from earthly life to otherness. Special importance in this process is given to the tree and its image.

Results. The purpose of the article is to determine the place and function of the tree and its derivatives in the funeral rites of the Khakass. The chronological framework of the work is limited to the framework of the late 19th – 20th centuries. The choice of such time limits is determined by the state of the source base on the research topic. Ethnographic

and folklore materials, both published and introduced into scientific circulation, served as a source base. Among folklore sources, heroic tales (*alyptyg nymakhtar*) are widely used, excerpts from which are presented for the first time in the author's translation in Russian. Leading in the study is the principle of historicism, when any cultural phenomenon is considered in development and considering a specific situation. The research methodology is based on historical and ethnographic methods: remnants (relic) and semantic analysis.

Conclusion. As a result of the research, the author concludes that the tree and its image were given great importance in the Khakass traditional funeral rite. The specified plant had a wide semantic field, which included the idea of it as: an afterlife means of transportation – a boat / raft, a “world tree”, the sacred path of the human soul, the dwelling of the deceased, an apotropaic object, etc. In the traditional culture of the people under consideration, two main types of human burials have been identified: underground and aerial. In both cases, an integral ritual element of the funeral is a tree in its various manifestations and combinations.

Keywords

Khakass, traditional culture, beliefs, folklore, tree, image, symbol, funeral rites, coffin, burial, apotropee

Acknowledgements

The study was carried out under project no. FWZG-2022-0001 “Ethnocultural diversity and social processes in Siberia and the Far East in the 17th – 21st centuries. Research on the changing roles of traditional cultures, social institutions and environmental paradigms”

For citation

Burnakov V. A. Tree in the Khakass Traditional Funeral Rites (Late 19th – Mid 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 143–155. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-5-143-155

Введение

Похоронная обрядность и связанный с ней мировоззренческий комплекс занимают чрезвычайно важное место в традиционной культуре хакасов, поскольку эта сфера является неотъемлемой составляющей жизненного цикла каждого человека. В традиционных представлениях похороны знаменуют собой переход из жизни земной к инобытию. В народе верят, что умерший должен пройти далекий и трудный путь на тот свет. Большое значение в этом процессе отводится дереву и его образу. В хакасской этнографии тема, связанная с ролью дерева в похоронной обрядности, прежде не становилась предметом специального исследования. Целью статьи является определение места и функции дерева и производных от него предметов в похоронной обрядности хакасов.

Результаты исследования. Гроб из дерева

В погребально-поминальной сфере хакасов дерево представлено многопланово и разнообразно. Одним из неотъемлемых элементов традиционного похоронного процесса этого народа является использование гроба – ключевого ритуального изделия из дерева. Как известно, он предназначен для погребения тела умершего человека в земле или ином месте. Этот погребальный предмет, как правило, представляет собой продолговатый деревянный контейнер, изготовленный точно по длине и пропорциям тела покойного. Данный факт послужил причиной того, что в хакасском языке для обозначения гроба помимо общераспространенного слова *хомды* употребляются еще и такие номинации, как: *kizi taxnaiy* – букв. ‘деревянный футляр человека’ или *kizi idizi* – букв. ‘посудина человека’ (РХС, 2011, с. 150). Устоявшееся традиционное суждение о гробе как об обязательном для каждого человека ритуальном изделии, в котором он окажется по окончании своей земной жизни, и его связи с деревом было запечатлено в эпическом творчестве народа:

Хомдаа чатпачаң даа полза чи.
Сында ѳскер ағастар
Сарғалбачаң даа ползалар чи
(Хубан Арығ, 1995, с. 177).

‘[Если бы в тот] гроб не ложиться, [как бы хорошо] тогда было.
[На высоких] хребтах растущие деревья
[Если бы] не желтели, [как бы хорошо] тогда было’¹

¹ Перевод наш. – В. Б.

Вместе с тем в традиционном сознании хакасов всегда подспудно присутствует суеверный страх в отношении этого предмета, так как он напрямую связан со смертью. Люди, как правило, боялись даже случайного соприкосновения с ним. Всё это нашло отражение в следующей народной загадке: «В дерево, которое долбил дятел, я не войду, хотя и замерзну (гроб)» [Катанов, 1907, с. 368].

В XVIII–XIX вв. зажиточные хакасы в качестве гробов часто использовали красиво украшенные сундуки русского производства (ирбитские) со скобами, оковками, железными и бронзовыми шарнирными ручками. По мере необходимости их распиливали и удлиняли досками по росту покойного [Каратанов, 1884, с. 629; Скобелев, 2009, с. 240]. В народе образ сундука-гроба нередко встречался в бытовой речи и афористических выражениях, например: *іцем тирген сундугым хомдым полгай хачан-да* – ‘мой сундук, подаренный матерью, когда-нибудь станет моим гробом’ (ХРИЭС, 1999, с. 188). Упоминание о соответствующей погребальной практике имеется также и в хакасских народных песнях – *тахпах’ах* (ХНТ, 1980, с. 34).

По материалам Усмановой, в отдельных хакасских селениях – *аал’ах* (в их числе Усть-Киндирла) – аналогом гроба выступал сплетенный из тальника короб [Усманова, 1980, с. 112–113]. При этом в погребальной практике всё же чаще употреблялся и до сих пор активно используется гроб, сделанный из тёсаных досок. Помимо уже упомянутого термина *хомды*, в народе его иногда называют еще *элем хогыр* – ‘гроб, сколоченный из досок’ (РХС, 2011, с. 151).

До середины XX столетия среди хакасов широкое распространение имела практика захоронения в выдолбленных из цельного дерева колодах – *туйух хомды* (ХРИЭС, 1999, с. 188). В связи с этим представляется уместным привести воспоминания стариков-хакасов об этой старинной традиции:

Хоронили в колодах, которые делали только из лиственницы. Колоды назывались хомды. В колоду подстилали подушечку и траву богородскую или березовые листья (это зимой) (Улчугачева Мария Михайловна, 1913 г. р., дер. Кагаево, Орджоникидзевский р-н, Хакасия);

Раньше, говорят, хоронили в колодах (лиственных). Внизу колоды в середине делали дырку, чтобы стекало, когда гнить будет (я так думаю)... В колоду клали богородскую траву, под голову – подушечку, которую набивали или богородской травой или листьями березового веника (Кокова Наталья Сергеевна, 1900 г. р., с. Трошкино) (АМАЭС ТГУ, № 677-4 а, л. 1, 27).

Гробы в виде колод чаще делали из таких видов деревьев, как лиственница, береза, тополь. Выбор дерева определялся прежде всего родовой обусловленностью. В традиционной культуре хакасов каждый *сёк* (род) имел свой почитаемый вид дерева, который отождествлялся с понятиями «родовая душа», «предок рода», «покровитель рода» и др. [Усманова, 1980, с. 103–113; Бутанаев, 2003, с. 40–41]². Как показывает представленный материал, именно в гробу, сделанном из родового дерева, и требовалось похоронить сородича. Вместе с тем в обрядовой практике допустимым считалось погребать покойников в колодах из обозначенных растений. Лиственница, береза и тополь считались общенародными сакральными деревьями и потому вне зависимости от родовой принадлежности могли использоваться в соответствующих ритуальных целях. Другим немаловажным фактором было то, что размеры этих деревьев позволяли изготовить из них соответствующие ритуальные предметы.

Погребение в земле

В традиционной культуре многих народов в процессе ингумации гроб, особенно в виде колоды, нередко олицетворяет собой транспортное средство, в том числе и лодку [Анучин, 1890, с. 173; Криничная, 2011, с. 124–126]. Подобные воззрения были свойственны и хакасам. В их религиозно-мифологических представлениях погребение умершего в земле отнюдь

² См. также: АМАЭС ТГУ, № 818-2, л. 4.

не исключало возможности того, что по пути в загробный мир он встретится с водной преградой. В традиционном миропонимании народа *суз* (вода / река) является той субстанцией, которая имеет прямую связь с инобытием. Она выступает универсальным символом границы между посюсторонним и потусторонним мирами. Согласно верованиям хакасов, мир мертвых располагается в нижнем течении реки либо в далекой земле, располагающейся на севере или западе и имеющей водную преграду. Потому для шамана либо души умершего человека часто требовались ритуальная лодка или плот для того, чтобы переправиться в загробное царство [Бутанаев, 2006, с. 155–156; Бурнаков, 2008, с. 607–617]. Потому не случайно хакасы нередко придавали гробу-долбленке вид лодки. В народе по этому поводу говорили: *хара тиректи киме сомалып ойчалар* – ‘выдалбливают черный тополь, придав ему вид лодки’ (ХРИЭС, 1999, с. 117).

Вместе с тем в традиционном сознании народа изоморфизм гроба не ограничивается лишь этим представлением. Он, особенно представленный в виде колоды, является непосредственным воплощением самого дерева. К примеру, при погребении покойника в колоду часто говорили: *хатыг агастың өзені пол парды* – ‘стал сердцевинной твердого дерева’ (РХС, 2011, с. 684). Добавим, что хакасы процесс изготовления гроба обозначали выражением «делать покойнику дерево» [Катанов, 1907, с. 353]. Очевидно, что в воззрениях народа гроб в виде колоды ассоциировался не только с родовым деревом. В своей глубинной основе он являлся воплощением мирового древа. Полагали, что по нему умерший напрямую отправлялся в мир мертвых. Н. А. Криничная замечает: «Колода в мифологических представлениях связана с дорогой / судьбой, продольной либо поперечной, этой же колодиной и перегороденной / пресеченной» [2011, с. 125]. Идея пути-дороги на тот свет выявляется в благопожеланиях покойному при погребении гроба в землю [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 344, 356].

Среди кызыльцев – одной из этнических групп хакасов – бытовала традиция устанавливать в головной части могилы палку, ранее служившую в качестве замера при изготовлении гроба. По всей видимости, изначально для этого использовалась лишь осиновая палка. В дальнейшем это правило перестало строго соблюдаться. Было допустимым заменять ее соответствующими предметами из других видов деревьев. При этом, несмотря на видовое разнообразие указанных растений, от которых происходили эти предметы, все они одинаково назывались «осиной» (АМАЭС ТГУ, № 818-2, л. 31).

Обратим внимание на то, что и среди других групп хакасов была распространена практика установления в головной части могилы специальных деревянных предметов – березовых развилин, палок, колышков и столбиков. При этом они не погружались на полную глубину могилы, а фиксировались в земле лишь таким образом, чтобы не упали. Обозначенные ритуальные предметы возвышались над поверхностью земли примерно на 1–1,5 м и выполняли функцию временного обиталища души умершего. Вместе с тем, вероятно, они являлись еще и олицетворением мирового древа, по которому душа умершего переходила в загробный мир. Таким образом, эти деревянные изделия являлись ритуально-символическим предметом, помогавшим душе покойного найти прямой путь на тот свет.

В мировоззрении хакасов дерево семантически связано с жилищем, так как основным материалом для его изготовления служила именно древесина. В мифологическом сознании рассматриваемые объекты нередко сливаются в едином образе «дерева-дома». Данное явление широко представлено в хакасском фольклоре (Кильчичаков, 1946, с. 96; Сугчул Мирген, 2018, с. 226)³. Образ «дерева-дома» получил воплощение и в похоронной обрядности этого народа. У хакасов проявлением глубокой заботы и внимания к умершему являлось сооружение надмогильного деревянного строения, имитирующего жилище человека. В народе оно называлось *частыңмай* / *киртпе* или *иб* и имело вид небольшого домика с двускатной крышей. При этом со стороны, где располагалась голова покойного, обязательно вырезалось небольшое окошко – *кірген көзінек* – букв. ‘входящее окно’. Полагали, что душа погребенного

³ См. также: [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 309, 310, 327, 328].

человека через него могла покидать свое пристанище. Помимо этого, через указанный проём родственники подносили душе поминальную пищу. В верованиях народа эта ритуальная постройка воспринималась в качестве последнего пристанища – земного дома умершего человека, в котором он должен пребывать определенное время после своей кончины (АМАЭС ТГУ, № 680-8 а, л. 17; № 682, л. 65; № 818-2, л. 17).

Обратим внимание на еще один аспект традиционного мировоззрения и обрядовой практики хакасов, в которых обнаруживается теснейшая связь образов дерева и умершего человека. Таковой является практика создания кенотафов – *сома* (ХРИЭС, 1999, с. 117). В науке под кенотафом принято понимать символическую могилу, не являющегося местом реального погребения покойного. Он, как правило, создается для увековечивания памяти человека, скончавшегося в другом месте. В ситуации, когда смерть настигла человека вне дома и все приготовления для его погребения были уже готовы, но неожиданно за телом приехали родственники, делали ложное захоронение. Для этого срубали березку по росту умершего. К ней подвязывали какую-либо часть одежды умершего и хоронили в могиле со словами: «Займи его место!» [Бутанаев, 2014, с. 118]. В данном случае дерево однозначно выступало в качестве двойника и символического заменителя покойника.

В культуре хакасов предание земле умершего человека не было единственной формой похоронной практики. В культуре рассматриваемого народа также бытовал совершенно иной способ ритуального обращения с телом умершего человека, а именно – воздушное захоронение.

Воздушное погребение

Одним из известных традиционных обрядов, бытовавших у хакасов в XIX в. и даже в более позднее время, было воздушное погребение. Наибольшее распространение оно получило среди таких этнолокальных групп, как бельтыры (хак. *пилтірлер*) и койбалы (хак. *хойбаллар*), хотя встречалось и среди каргинцев, хобыйцев и других этнических общностей. Самые ранние сведения об этой обрядовой практике были зафиксированы еще в XVIII в. известным исследователем П. С. Палласом [1788, с. 498]. Ученый обратил внимание на то, что местные жители старались тщательно скрывать не только локацию, но и всю информацию о подобных захоронениях от посторонних. Данная установка была обусловлена не только сакральностью соответствующего культового места для верующих, но еще и тем, что Русская православная церковь проявляла крайнюю непримиримость и враждебность по отношению к любым проявлениям язычества сибирских народов, в том числе и среди хакасов. Обратим внимание на то, что П. С. Паллас в своей работе предоставил детальное описание гроба и способ его фиксации к дереву [Там же, с. 498–499]. Исследователь обратил внимание на факт того, что у других групп хакасов, главным образом у койбал и кызыльцев, традиция воздушного погребения постепенно исчезает из обихода. Он констатировал, что соответствующим способом у них продолжают хоронить лишь детей [Там же, с. 526–527].

Несколько десятилетий спустя аналогичные данные о воздушном захоронении хакасов были опубликованы Г. И. Спасским [1818, с. 18]. При этом историк внес некоторое дополнение к сведениям предшественника об этом явлении. Помимо уже описанного П. С. Палласом погребения на дереве, он выделил еще один способ надземного захоронения, а именно – размещение гроба на настиле, располагающемся на вкопанных в землю столбах. Добавим, что исследователь предоставил наиболее развернутое описание рассматриваемого ритуального предмета и сопроводительного инвентаря захороненной женщины [Там же].

В монографии И. С. Пестова «Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири» [1833, с. 84] также встречаются сведения о практиковавшихся среди хакасов обрядах погребения на деревьях. Он одним из первых обратил внимание на видовое разнообразие растений (лиственница и кедр), на которых размещались гробы с телами умерших. К сожалению, И. С. Пестов не пояснил факт того, чем был вызван конкретный выбор вида дерева для ука-

занных ритуальных действий. Кроме этого, он отметил у хакасов процесс трансформации похорон – переход к ингумации и использование каменных плит при оформлении могил [Пестов, 1833, с. 84–85].

Упоминания о рассматриваемом религиозном феномене встречается и в работе финского этнографа и лингвиста М. А. Кастрена [1999, с. 210]. В исследовании Н. Ф. Катанова приводятся сведения, касающиеся «небесного» погребения женщины с ребенком на специальном помосте. Он находился в лесу и был водружен на четыре столба. Сам гроб представлял собой подобие ящика [Катанов, 1907, с. 342].

В этнографических материалах И. Д. Каратанова, датируемых второй половиной XIX в., обнаруживаются уникальные данные, касающиеся воздушного захоронения шаманов. Заметим, что он дает описание двух видов шаманских погребений: 1) на настиле, установленном на вершине горы; 2) оборачивание тела в войлок и подвязывание веревками непосредственно к стволу дерева. При этом тело покойного крепилось в вертикальном положении, головой вверх [Каратанов, 1884, с. 630–631]. Добавим, что в прошлом соответствующим способом погребали не только шаманов, но и обычных людей. Описание этой практики обнаруживается в хакасском фольклоре. В нем встречаются повествования о том, что древесные погребения путем привязывания тела покойного к стволу дерева практиковались в отношении не только сакральных лиц, но и простых людей [Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 220].

В архивных этнографических материалах С. Е. Малова, относящихся к первой половине XX столетия, также встречается упоминание о захоронении хакасами своих детей на деревьях:

Лет сто тому назад детей хоронили так: завязывали ребенка в кошму, затем в бересту и привязывали к дереву или укладывали в бересте в дупло <...> Бельтиры детей привязывают на деревьях в бересте (СПбФ АРАН, ф. 1079, оп. 1, д. 274, л. 5, 9).

В 1970-е гг. в Хакасии осуществляла свою работу этнографическая экспедиция Томского государственного университета под руководством Э. Л. Львовой и М. С. Усмановой. В результате проведенных научных изысканий был собран обширный уникальный материал по традиционной культуре хакасов. Удалось записать сведения и о «древесных» похоронах (АМАЭС ТГУ, № 681-3, л. 6).

Свидетельства о небесном погребении у хакасов неоднократно фиксировались В. Я. Бутанаевым в ходе его этнографо-лингвистических исследований на территории Саяно-Алтая в 1970–1990-х гг. Следует отметить, что именно он – первый из исследователей, кто записал и ввел в научный оборот хакасские названия ритуального настила – *сартах* / *тасхах*. В его фундаментальном этнолингвистическом труде «Хакасско-русский историко-этнографический словарь» (ХРИЭС, 1999, с. 109, 138) приведены устойчивые выражения, имеющие отношение к данной теме, например: *јурде јуреен кизіні сартахха салцаңнар* – ‘в старину умерших людей хоронили на настилах – *сартах*’, *јуреен кизіні пилтірлер сартахха сыгарын, хыс салцаң* – ‘бельтиры умершего человека хоронили, подняв на настил – *сартах*’; *Төртебе тагда тасхахтан хам кизіні чыыптырлар* – ‘на горе Тортебе, соорудив настил, похоронили шамана’ (ХРИЭС, 1999, с. 109, 138).

Итак, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов получили распространение два основных типа воздушного захоронения. Все они так или иначе были связаны с деревом либо с производными от него предметами – столбами, досками и пр. Первый из них представлял собой погребение умерших в гробу, который помещался на крупные ветви / суки дерева и фиксировался к его стволу посредством веревок. Отметим тот факт, что выбор самого ритуального растения был не случаен. Каждый хакасский *сөөк* (род) имел свою родовую «породу» дерева, которое воспринимал в качестве тотемного объекта. Именно на таком дереве и было принято хоронить покойных сородичей. В дальнейшем, в связи с трансформацией похоронной традиции, практика погребений на деревьях до середины XX в. сохранялась лишь в отношении младенцев и малолетних детей. Взрослых стали хоронить исключительно в земле. Воздушное погребение, как полагали, было направлено

на быструю реинкарнацию души умершего ребенка. В связи с этим в народе говорили: «Если так похоронить грудного ребёнка, то душа его поднимется к Кудаю (Богу) легко, легко и спустится сюда!» [Катанов, 1907, с. 342].

Вторым типом воздушного погребения было так называемое небесное захоронение в гробу на настиле – *сартах / тасхах*, расположенном на четырех столбах, вкопанных в землю. Отметим, что в религиозно-мифологических представлениях столб воспринимался в качестве естественной оси, соединяющей земную и небесную сферы. Одновременно с этим он выполнял функцию границы между миром живых и миром мертвых. Добавим, что при воздушных похоронах шаманов и других лиц помимо размещения на помосте практиковалось еще и оборачивание их тел войлоком и привязывание веревками к стволу дерева. Причем это делалось строго в вертикальном положении головой вверх. Из чего можно сделать вывод о том, что в религиозно-мифологическом сознании дерево выполняло функцию универсального медиатора, своего рода загробного пути по которому душа покойника, расставшись с телом, могла свободно и быстро вознестись на небо либо опуститься в подземный мир.

Ритуальная практика воздушных погребений не могла не отразиться в хакасском фольклоре. Так, в материалах Н. Ф. Катанова встречается повествование о том, как герой погребает на лиственнице своих умерших родителей [1907, с. 326–327]. В сказании «Похта Крис» (1975, с. 19–20) героиня Погана Арыг помещает тело погибшего брата на тополь / кедр. В богатырском сказании «Ах Хан» одноименного героя хоронят на верхушке священной березы с золотыми листьями. В других произведениях тела погибших богатырей водружают на вершине лиственницы [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 54]. Примечательно, что в эпических произведениях хакасов дается описание того, что воздушный способ захоронения активно практикуют и враги-завоеватели. При этом подобные действия они совершают лишь по отношению к наиболее уязвимой части представителей поработаемого автохтонного населения и, конечно же, делают это без должного уважения к ним и с особой жестокостью (Күмүс..., 1958, с. 286; Албынчі, 1951, с. 22).

В культуре хакасов выделяется еще один пласт представлений, имеющих отношение к ритуальному комплексу «дерево – могила». Деревья, выросшие на местах подземных захоронений, – это чрезвычайно архаичный и распространенный образ, который широко представлен в устном народном творчестве. Он восходит к сюжетам о том, что из плоти умерших / погибших людей вырастают деревья. Так, например, в одном из вариантов легенды о горе *Читы хыс* – ‘Семь дев’ приведено повествование об утонувших семи девушках, которые после смерти превратились в семь лиственниц, растущих на одноименной горе. А в сказании о горе *Хыспанах* на могиле умершей девушки вырастает береза – воплощение ее души [Бутанаев, Бутанаева, 2010, с. 61, 65]. В повествовании о горе *Энчилей* герой-шаман завещает похоронить большой палец его правой руки отдельно от тела. На месте захоронения конечности вырастает березовая роща [Там же, с. 74]. Подобный же сюжет встречается и в другом фольклорном произведении – «Пуга Мёке». Из большого пальца руки охотника вырастают березы, предвещающие хорошую жизнь его потомкам [Катанов, 1907, с. 498–499]. В сказании «Многострадальный белый конь» указанный персонаж, спасая от врагов двух детей, временно зарывает их в землю. На месте их погребения вырастают две березы – их символические двойники (Многострадальный белый конь, 2013, с. 117). Приведенные примеры могут свидетельствовать о том, что религиозно-мифологическому сознанию хакасов была присуща глубокая вера в то, что душа умершего может переселяться либо реинкарнироваться в дерево, выросшее на могиле.

Вместе с тем роль дерева в похоронной обрядности хакасов не ограничивается лишь рассмотренными функциями. Оно и производные от него предметы – полено, палка, ветви – часто служили еще и в качестве магических оберегов.

Дерево-апотропей

В похоронной обрядности хакасов на начальных ее этапах красной линией проходит идея полного отчуждения умершего от живых. В верованиях народа покойник, даже временно находясь среди живых людей, представлял для них большую опасность. Полагали, что тело человека в момент его кончины полностью поглощается смертью – невидимой деструктивной потусторонней силой. Вследствие чего были убеждены, что мертвец, находясь в доме, непрерывно источает из себя смертоносные флюиды, распространяемые на всё окружающее его пространство. Потому люди, опасаясь его вредоносного воздействия, стремились дистанцироваться от него, а также нейтрализовать потенциальную угрозу. Для этого применяли различные магические способы защиты. Особая роль в этом процессе отводилась дереву и изделиям из него.

Одним из самых распространенных апотропеев в народе считалась береза. Ветви, палки, полена и прочие предметы, полученные от этого дерева, активно применялись в охранительной магии. Так, в народе широко бытовала ритуальная охранительная практика – *хазың саларга* – букв. ‘власть березу’. Она выражалась в том, что когда в селении кто-либо умирал, то односельчане у дверей своего дома или у порога клали (ставили) березовые полена или палки. Часто ею же подпирали двери жилища. Данный оберег должен был находиться на обозначенном месте в течение сорока дней, пока душа умершего окончательно не покинет земной мир. Кроме того, человек, посещающий дом, в котором находился покойник, в защитных целях обязательно брал с собой березовую веточку либо палку [Абдина, 1994, с. 4; Бутанаев, 2014, с. 125]⁴.

Деревянные палки либо ветки колючих растений также использовались в качестве защитного магического инструмента во время похорон. В процессе завершающего тоекратного обхода указанными предметами трижды ударяли по могильному холму. Очевидно, данное действие было направлено на окончательное отделение умершего от живых. При этом оно было призвано не только устранить возможный вред живым людям с его стороны, но и не допускать его возвращения домой⁵.

Следует добавить, что в качестве оберега часто употреблялась и черемуховая палка / ветвь. Ее, как правило, брали с собой на кладбище во время поминок женщины, имеющие грудных детей [Бутанаев, 2014, с. 110]. Защитную функцию часто выполняла также тальниковая палка. Ее пользовались вдовы женщины. Они старались не расставаться с ней на протяжении длительного времени. Держали при себе даже во время сна. Воспринимали ее как надежного спутника-охранителя. В народе этот предмет нередко называли *ах аргыс* – ‘белый товарищ’ (АМАЭС ТГУ, № 682, л. 45, 55).

Заключение

Итак, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в традиционной похоронной обрядности хакасов дерево и его образ занимали важное место. Рассматриваемое растение выполняло в этой сфере множество функций. В результате оно обладает обширным семиотическим полем. Непосредственное участие дерева как важнейшего элемента погребального ритуала выявляется с самого первого его этапа – изготовления гроба для покойного. Несмотря на всё многообразие его форм (ящик, сундук, короб или колода), он всегда изготавливался из дерева. Образ этого обрядового предмета в зависимости от контекста нес различную семантическую нагрузку, начиная от восприятия его в качестве средства передвижения и заканчивая осмыслением его в качестве мирового дерева, по которому пролегает путь в иной мир. Заметим, что символика мирового древа в различных проявлениях и вариациях неоднократно дублируется на всем протяжении похоронного процесса, будь то сам гроб

⁴ См. также: АМАЭС ТГУ, № 818-2, л. 9, 16, 17, 27, 31.

⁵ Там же, л. 32.

или всевозможные надмогильные палки, рогатины, столбы и пр. В религиозно-мифологическом сознании и сам человек напрямую отождествляется с деревом. Данные воззрения нашли отражение в практике создания кенотафов, где вместо человека захоранивали отрезок березы.

Включенность дерева в погребальную обрядность выражается и в создании надмогильных домиков (*частыңмай, киртпе, иб*), которым отводилась роль загробного жилища умершего, временного обиталища его души. Подобные сооружения, безусловно, связаны с традиционными представлениями о небытии как зеркальном отражении людского бытия, и в их основе лежит идея «дерева-дома».

В традиционной культуре хакасов представлено два основных формата погребений людей: подземный и воздушный. В обоих случаях неотъемлемым ритуальным элементом похорон выступает дерево в самых разных его проявлениях и комбинациях. Место захоронения человека выступает тем пространством, где возможен контакт между сферой потустороннего и посюстороннего, и дерево выступает ключевым структурообразующим элементом в нем. Оно одновременно разделяет и объединяет мир живых и мир мертвых. Дерево, исходя из его биологического цикла, выступает зримым символом жизни и смерти: условно умирая осенью, оно возрождается весной. Это растение, будучи противопоставленным смерти, одновременно выступает и ее неизменным спутником. В традиционном сознании деревья продолжают жизнь покойных, это может происходить путем переселения души человека либо его частицы в дерево, что ярко отразилось в устном народном творчестве. Данные представления, возможно, являются еще и психологическим компенсирующим механизмом, позволяющим облегчить боль от потери близкого и любимого человека. Дерево, на котором был захоронен человек или же выросшее на могиле, позволяло родственникам умершего и его потомкам «повстречаться» с ним «вживую».

Отметим еще одну ключевую роль дерева – как сакрального объекта, наделенного всевозможными магическими свойствами. Согласно мифологической логике, частица какого-либо предмета априори несет в себе весь его потенциал. Это в полной мере применимо и к производным от дерева предметам – палкам, веткам и пр., которые в похоронно-поминальной обрядности выполняли апотропеическую функцию.

Таким образом, в традиционной похоронной обрядности хакасов процесс символизации дерева и его отдельных компонентов был чрезвычайно обширен и многообразен.

Список литературы

- Абдина Е. А.** Хара пазын хыйын түссе (Погребальный обряд хакасов). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1994. 8 с. (на хак. яз.)
- Анучин Д. А.** Сани, ладья и кони, как принадлежности похоронного обряда // Тр. Императорского Московского археологического общества. М.: Тип. и словолит. О. О. Гербек, 1890. Т. 14. С. 81–226.
- Бурнаков В. А.** Путешествие в «мир мертвых»: мистерия хакасского шамана Макара Томозакова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 607–617.
- Бутанаев В. Я.** Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
- Бутанаев В. Я.** Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. 253 с.
- Бутанаев В. Я.** Будни и праздники тюрков Хонгорая. Абакан: Журналист, 2014. 316 с.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.** Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.** Мы родом из Хонгорая. Абакан: Журналист, 2010. 240 с.
- Каратанов И. Д.** Черты внешнего быта качинских татар // Изв. ИРГО. 1884. Т. 20, вып. 6. С. 618–645.
- Кастрен М. А.** Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.

- Катанов Н. Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
- Криничная Н. А.** «Пень да колода»: слово, образ, символ // Русская речь. 2011. № 1. С. 119–127.
- Паллас П. С.** Путешествие по разным местам Российского государства. СПб.: Имп. АН, 1788. Ч. 3. 624 с.
- Пестов И. С.** Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. М.: Университет. тип., 1833. 297 с.
- Скобелев С. Г.** Предметное содержание русских влияний на материальную культуру коренного населения юга Приенисейского края в позднем Средневековье – начале Нового времени (по данным археологии) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 231–250.
- Спаский Г. И.** Народы, кочующие вверху реки Енисей // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1. С. 1–25.
- Усманова М. С.** Хакасы. Погребальная обрядность // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М., 1980. С. 112–113.

Список источников и словарей

- Албынчі (алыптыг ныхмах) // Алыптыг ныхмахтар (Богатырские сказания). Абакан: Хак. обл. кн. изд-во, 1951. С. 13–98. (на хак. яз.)
- АМАЭС ТГУ – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 677-4 а «Этнографическая экспедиция в Хакасию 1972 г. Тетрадь № 4». 41 л.
- АМАЭС ТГУ – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 678-3 «Этнографическая экспедиция в Хакасию. Шарыповский район Красноярского края и Ширинский район ХАО летом 1973 год (август-сентябрь). Тетрадь № 3». 48 л.
- АМАЭС ТГУ – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 680-8 а «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию. Июль 1974 г. Тетрадь № 8». 40 л.
- АМАЭС ТГУ – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 681-3 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию. 25 февраля 1975 г.». 24 л.
- АМАЭС ТГУ – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 682 «Этнографическая экспедиция Усмановой М. С. Лето 1976 г.». 78 л.
- АМАЭС ТГУ – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 818-2 «Копии дневников экспедиции М. С. Усмановой к хакасам». 34 л.
- Кильчичаков М. Е.** Пили ала хара чабагалыг Пил Тарааннаар (О богатыре Пил Тараане, едзящем на жеребенке с темно-пестрой спиной) // Хакасский фольклор. Абакан: Хак-облнациздат, 1946. С. 73–102. (на хак. яз.)
- Күмүс ханаттыг көк пора аттыг Күн Төңіс // Алтын Арыг. Алыптыг ныхмах (Богатырские сказания). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. С. 223–317. (на хак. яз.)
- Многострадальный белый конь // Сказания и легенды хакасов. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2013. С. 101–125.
- Похта Крис // Золотая чаша. Хакасские народные сказки и предания. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1975. С. 16–33.
- РХС – **Бутанаев В. Я.** Русско-хакасский словарь (около 15 тыс. слов). Петропавловск: Полиграфия, 2011. 940 с.

- СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 1079, оп. 1, д. 274 Архив АН СССР. Фонд Малов С. Е. «Турецкая этнография. Похороны. Лекция и заметки к ней». 1930-е гг. 32 л.
- Сугчул Мирген // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В. В. Радловым. Ч. 2: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюэрик). Абакан: Журналист, 2018. С. 211–257.
- ХНТ – Хакасские народные тахпахи. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1980. 131 с.
- ХРИЭС – Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Изд-во «Хакасия», 1999. 236 с.
- Хубан Арыҕ. Алыптыҕ ныхах. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1995. 192 с.

References

- Abdina E. A.** Khara pazyn hyiyn tyusse (Chernuyu golovu na bok opustiv). (Pogrebal'ny obryad khakasov) [Black head tilted to the side (Funeral rite of the Khakas)]. Abakan, Khakass Book Publ., 1994, 8 p. (in Khakass)
- Anuchin D. A.** Sani, lad'ya i koni, kak prinadlezhnosti pokhoronnogo obryada [Sleigh, boat and horses as accessories of the funeral rite]. In: Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva [Proceedings of the Imperial Moscow Archaeological Society]. Moscow, O. O. Gerbek Publ., 1890, vol. 14, pp. 81–226. (in Russ.)
- Burnakov V. A.** Puteshestvie v “mir mertvykh”: misteriya khakasskogo shamana Makara Tomozakova [Journey to the “world of the dead”: the mystery of the Khakass shaman Makar Tomozakov]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture], 2008, vol. 22, pp. 607–617. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskii slovar' [Khakass-Russian historical and ethnographic dictionary]. Abakan, Khakasiya Publ., 1999, 236 p. (in Khakass, in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya [Burkhanism of Sayano-Altai Turks]. Abakan, KhSU Press, 2003, 260 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Traditsionnyi shamanizm Khongoraya [Traditional shamanism of Khongorai]. Abakan, KhSU Press, 2006, 253 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I.** Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora [World of Khongor (Khakass) folklore]. Abakan, KhSU Press, 2008, 376 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I.** My rodом iz Khongoraia. Khakasskie mify, legendy i predaniya [We are from Hongoray. Khakass myths, legends and traditions]. Abakan, Zhurnalists Publ., 2010, 240 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Budni i prazdniki tyurkov Khongoraya [Everyday life and holidays of the Khongoray Turks]. Abakan, Zhurnalists Publ., 2014, 316 p. (in Russ.)
- Karatanov I. D.** Cherty vneshnego byta kachinskikh tatar [Features of the external life of the Kachin Tatars]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [The bulletin of the Imperial Russian Geographical Society], 1884, vol. 20, no. 6, pp. 618–645. (in Russ.)
- Kastren M. A.** Puteshestvie v Sibir' (1845–1849) [Journey to Siberia (1845–1849)]. Tyumen, Yu. Mandriki Publ., 1999, 352 p. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov (Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym) [Adverbs Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagases: (Samples folk literature of Turkic tribes issued V. V. Radloff)]. St. Petersburg, 1907, vol. 9, 640 p. (in Russ.)
- Krinichnaya N. A.** “Pen' da koloda”: slovo, obraz, simvol [“Stump and deck”: word, image, symbol]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2011, no. 1, pp. 119–127. (in Russ.)

- Pallas P. S.** Puteshestvie po raznym mestam Rossijskogo gosudarstva [Journey to different places of the Russian state]. St. Petersburg, Imp. AS, 1788, vol. 3, 624 p. (in Russ.)
- Pestov I. S.** Zapiski ob Eniseiskoi gubernii Vostochnoi Sibiri [Notes on the Yenisei province of Eastern Siberia]. Moscow, Uni. Press, 1833, 297 p. (in Russ.)
- Skobelev S. G.** Predmetnoe sodержanie russkikh vliyanii na material'nyu kul'turu korennoho naseleniya yuga Prieniseiskogo kraja v pozdnem Srednevekov'e – nachale Novogo vremeni (po dannym arkheologii) [The subject content of Russian influences on the material culture of the indigenous population of the south of the Yenisei region in the late Middle Ages – the beginning of the new time (according to archeology)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2009, vol. 8, no. 3, pp. 231–250. (in Russ.)
- Spassky G. I.** Narody, kochuyushchie vverkh reki Enisei [The people nomadic at the top Yenisei River]. *Sibirskii vestnik [The bulletin of Siberian]*, 1818, vol. 2, pp. 26–56. (in Russ.)
- Usmanova M. S.** Khakasy. Pogrebal'naya obryadnost' [Khakass. Funeral rituals]. In: *Semeinaya obryadnost' narodov Sibiri. Opyt sravnitel'nogo izucheniya [Family rituals of the peoples of Siberia. Comparative experience]*. Moscow, 1980, pp. 112–113. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

- Albynzhi (Alyptyg nymakh). [Albynzhi (Khakass heroic legend)]. Abakan, Khakass Regional State Publ., 1951, pp. 13–98. (in Khakass)
- Archive of the Museum of archaeology and ethnography of Tomsk State University. Folder no. 677-4a “Ethnographic expedition TSU in Khakasia”. Summer of 1973. Notebook 4, 41 p. (in Russ.)
- Archive of the Museum of archaeology and ethnography of Tomsk State University. Folder no. 678-3 “Ethnographic expedition in Khakasia. Sharypovskiy district of the Krasnoyarsk Territory and the Shirinsky district of the KhAO in the summer of 1973 (August-September)”. Notebook 3, 48 p. (in Russ.)
- Archive of the Museum of archaeology and ethnography of Tomsk State University. Folder no. 680-8a “Ethnographic expedition TSU in Khakasia”. July 1974. Notebook 8, 40 p. (in Russ.)
- Archive of the Museum of archaeology and ethnography of Tomsk State University. Folder no. 681-3 “Ethnographic expedition TSU in Khakasia”. February 25, 1975, 24 p. (in Russ.)
- Archive of the Museum of archaeology and ethnography of Tomsk State University. Folder no. 682 “Materials of the ethnographic expedition of M. S. Usmanova. Khakasia”, 78 p. (in Russ.)
- Archive of the Museum of archaeology and ethnography of Tomsk State University. Folder no. 818-2 “Copies of expedition diaries of Tomsk State University”, august 1977. Field diary, 34 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Russko-hakasskiy slovar' (okolo 15 tys. slov) [Russian-Khakass dictionary (about 15 thousand words)]. Petropavlovsk, Poligrafiya, 2011, 940 p. (in Russ., in Khakass)
- Khakasskie narodnye takhpakhi [Khakass folk takhpakhs]. Abakan, Abakan, Khakass Branch of Krasnoyarsk Book Publ., 1980, 131 p. (in Russ.)
- Khuban Aryg. Alyptyg nymakh [Khuban Aryg. Khakass heroic legend]. Abakan, Khakass Book Publ., 1995, 192 p. (in Khakass)
- Kilchichakov M. E.** O bogatyre Pil Taraane, ezdyashhem na zherebenke s temno-pestroi spinoi [Heroic Tale of Pil Taraan]. In: *Khakasskii fol'klor [Khakass Folklore]*. Abakan, Khakass Oblast National Publ., 1946, pp. 73–102. (in Khakass)
- Kyумыus khanattyg kok pora attyg Kyun Tonis [Kyun Tonis on a dark gray horse with silver wings]. In: *Altyn Aryg. Alyptyg nymakh [Altyn Aryg. Khakass heroic legend]*. Abakan, Khakass Book Publ., 1958, pp. 223–317 (in Khakass)
- Mnogostradal'nyi belyi kon' [Long-suffering white horse]. In: *Skazaniya i legendy khakasov [Tales and legends of the Khakass]*. Abakan, Dom literatorov Khakasii, 2013, pp. 101–125. (in Russ.)

- Pokhta Kris [Pohta Chris]. In: Zolotaya chasha. Khakasskie narodnye skazki i predaniya [The Golden Cup. Khakass folk tales and legends]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Book Publ., 1975, pp. 16–33. (in Russ.)
- St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 1079, op. 1, d. 274 “Archive of the Academy of Sciences of the USSR. Fund Malov S. E. Turkish ethnography. Funeral. Lecture and notes to it”, 1930, 32 p. (in Russ.)
- Sugchul Mirgen [Sugchul Mirgen]. In: Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoi Sibiri i Dzungarskoi stepi. Sobrany V. V. Radlovym. Ch. 2: Podnarechiya abakanskie (sagaiskoe, koibal'skoe, kachinskoe), kyzyl'skoe i chulymskoe (kyuerik) [Samples of folk literature of the Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungar steppe. Collected by V. V. Radlov. Part 2: Abakan sub-dialects (Sagai, Koibal, Kachin), Kyzyl and Chulym (Kuerik)]. Abakan, Zhurnalist Publ., 2018, pp. 211–257 (in Khakass, in Russ.)

Информация об авторе

Венарий Алексеевич Бурнаков, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 18041639600
WoS Researcher ID Q-2858-2016
RSCI Author ID 282642

Information about the Author

Venariy A. Burnakov, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 18041639600
WoS Researcher ID Q-2858-2016
RSCI Author ID 282642

*Статья поступила в редакцию 28.06.2023;
одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 15.01.2024
The article was submitted on 28.06.2023;
approved after reviewing on 05.12.2023; accepted for publication on 15.01.2024*